

Идеальное фэнтези
Романы
Карины Деминой

КАРИНА ДЕМИНА

ОПЛОТ
ДОБРОДЕТЕЛИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ДЗО

Оформление — *Екатерина Соболевская*
Иллюстрация на обложке — *Anne Svart*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

ДЗО **Оплот добродетели: [роман] / Карина Демина. —**
Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой).

ISBN 978-5-17-149800-9

На борту звездного лайнера «Принцесса Аула» судьба свела самых разных людей. Ищет приключений наследница славного рода Эрхардов Шарлотта, вырвавшаяся на свободу из плена строгих нравов Новой Британии. Желает ярких впечатлений славный Диктатор Ах-Айора Данияр Седьмой. Медленно восстанавливается после неудавшегося покушения известный ученый Тойтек. И ждет удобного случая, чтобы завершить начатое, наемный убийца, вычислить которого пытается наемник Кахрай. У него простая задача — сохранить клиенту жизнь.

А мир спасти он не подражался.

Никто не подражался.

Оно как-то само получилось.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149800-9

© К. Демина, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

...Он прижал ее к могучей груди, и она ощутила, как зеркало его мужественности уперлось в живот. Колени ослабли. А сердце заныло, предвкушая грехопадение...

Элиза отложила планшетку и сдавленно поинтересовалась:

— Зерцало мужественности?

Она хрюкнула, с трудом сдерживая смех.

— Ну... — Лотта поерзала, прижимая пачку листов к груди. Печатать книгу смысла не было, но вот как-то с распечатанной ей было легче, что ли. — Как еще это назвать?

— А как оно называется?

— Неприлично.

— Ага... и дальше... ее рука мощно обхватила это самое зеркало... знаешь, дорогая, не все мужчины любят, когда кто-то обхватывает их зеркало. Тем более мощно.

— Думаешь, лучше написать, что трепетно?

Элиза плюхнулась на козетку и вытянула ноги, которые были, безусловно, хороши, хотя ее привычка выставлять эту красоту на всеобщее обозрение несколько смущала Лотту, как, впрочем, и чересчур уж вольные манеры кузины.

Та вытащила из сумочки портсигар, а из него мундштук и черную тонкую сигарету, которая гляделась весьма естественным продолжением этого мундштука.

— Дорогая, — щелкнул камень-зажигалка, породив тонкую нить огонька, — дай мне уложить это в голове. Ты хочешь написать неприличную сцену, используя исключительно приличные слова?

— Д-да, — Лотта вздохнула и отложила рукопись, которая была почти готова.

Ну как почти...

По мнению Лотты, рукопись была готова совершенно, но вот мистер Нигби, редактор, так не считал.

— И зачем тебе? — Элиза приподняла бровь. — По-моему, до этого времени ты прекрасно обходилась поцелуями. Ну, не то чтобы ты, но твои эти... прелестные девственницы.

Она фыркнула, выражая свое отношение к несчастным девственницам, которые упрямо хранили свое целомудрие, несмотря на происки роковых красавцев, чем, несомненно, весьма благотворно влияли на этих самых красавцев, заставляя их пересмотреть всю свою жизнь и осознать, что истинное счастье мужчины — именно в браке.

С девственницей.

Да.

А потом случалась свадьба, и полумрак супружеской спальни оставлял все неприличные фантазии на откуп благодарным читательницам.

Лотта снова вздохнула:

— Мой издатель считает, что продажи падают потому, что читательницы хотят... погорячее. Чтобы в книге было *это*.

— А то? — оживилась Элиза, которая аккурат к указанной части жизни никаких предрассудков не испытывала. Нет, замужем она побывала трижды и всякий раз счастливо, после чего, не особо чинясь, жила то с одним, то с другим мужчиной.

— И то тоже... но... я... я пыталась, однако, как видишь... — этот вздох получился особенно душераздирающим. И Элиза участливо покачала головой. — Не получается. Опыта не хватает. Я купила книги... особые... ну...

Лотта ощутила, как краснеют уши.

— Однако это техническая сторона. И я использовала, но все равно.

— Использовала? — глаза Элизы сверкнули. — И что именно?

— «Огонь страсти». «Наставления юной девы». И «Как разнообразить супружескую жизнь»... а еще «Тысяча и один способ сыграть на нефритовой флейте, или Как упрочить свое положение в гареме и стать любимой женой».

Нет, были еще книги. Тема плотских взаимоотношений оказалась вдруг весьма обширной и разнообразной, правда, крайне неприличной.

— М-да... — только и смогла произнести Элиза. — Будем считать, что ты у нас самая теоретически подкованная девственница в этой части Созвездия. Давай-ка свои бумаги, в этом и вправду что-то есть... ага, все давай... и вот то тоже.

Она листала несчастную рукопись, время от времени останавливаясь, чтобы хмыкнуть, фыркнуть, а один раз откровенно засмеялась. И это — проклятье! — было обидно. До слез

в глазах обидно, хотя Лотта искренне и любила кузину, которая единственная, пожалуй, из всех родственников не считала Лотту слегка ненормальной. А если и считала, то мнение свое держала при себе.

— Так, дорогая... — струйка дыма устремила к потолку, а в гостиной запахло копчеными яблоками. — С этим давно следовало разобраться.

— С чем? — Лотта сгребла листы и прижала их к груди. Нет, копия романа у нее оставалась, и не одна, включая ту, что автоматически управлялась в защищенное семейное облако, но... почему-то ей всегда было страшно, что с рукописью что-то да произойдет.

— С технической точки зрения, конечно, все довольно-таки бодро... признаю. — Элиза хихикнула и, не выдержав, засмеялась во все горло. — Но... зеркало мужественности... оплот добродетели... боже... — Элиза смеялась так заразительно, что Лотта и сама не удержалась.

О да, она чувствовала, что с этими сценами не все было ладно. Но ведь она старалась.

И лучше вряд ли получится.

— Извини, — Элиза икнула и зажала рот рукой. — Не хотела тебя обидеть. Но да, тебе нужно избавиться от этого...

Она махнула подбородком и весьма выразительно посмотрела на платье. На низ платья. Лотта одернула чересчур тонкие юбки.

— От панталон? — без особой надежды уточнила она.

— И от них тоже. Без этого, подозреваю, оплот твоей добродетели падет не скоро. Если вообще падет.

Лотта покраснела.

Она всегда краснела слишком легко, к огромному неудовольствию бабушки, полагавшей, что эта вот легкость есть явственное свидетельство простонародной крови, которая в силу отцовской безответственности примешалась к благородной крови рода Эрхард, окончательно испортив последнюю.

Еще ей не нравились веснушки.

И непослушные волосы Лотты, которые имели обыкновенные виться, и ни щипцы, ни патентованные средства для выпрямления, ни даже родовые секреты рода Эрхард не могли справиться с этакой напастью. Бабушке даже предлагали просто полностью удалить волосяные луковицы, заменив их на те, из которых волосы вырастут правильные, тонкие, светлые и прямые, как у кузины. Но бабушка почему-то отказалась.

К счастью.

А вот с румянцем она совладала.

Каша на воде. Корсет. И плотно задернутые шторы вкупе с легкой жемчужной пудрой приблизили цвет лица Лотты к идеальному.

— Послушай, — Элиза стряхнула пепел в фарфоровую кружку с чаем и пересела на козетку. Она взяла руку Лотты в свою и заговорила тихо, спокойно. — Тебе уже двадцать пять. И если невинная девица в шестнадцать — это мило, в семнадцать, пожалуй, тоже мило, то в двадцать пять — чересчур.

— Я понимаю.

Плечи Лотты опустились.

Она и вправду понимала. И что бабушка, опасаясь получить очередного бастарда, которыми род Эрхард на свою беду обростал весьма стремительно, несколько переборщила со строгостью воспитания Лотты. И что мир, где ценилась невинность, остался в прошлом. И что лучше бы там остаться и самой Лотте. Она и приготовилась.

Морально.

Даже кошку себе присмотрела, хотя кошек бабушка тоже не жаловала.

— Вздорной старухи уже пару лет как нет, а ты все тут, что принцесса в башне, — докуренная сигарета отправилась в чашку. — Я вообще не понимаю, зачем тебе эти романчики. Ты же законная наследница Эрхардов. Твое состояние...

Перевалило за триста миллиардов крон. Лотта знала. Ей ежедневно отправляли сводки, да и с управляющими, как и с директорами, она встречалась регулярно. Как ни странно, эти обязанности, доставшиеся Лотте в наследство вместе с родовым особняком, перстнем и графской короной с девятью топазами, нисколько не тяготили Лотту. Они были привычны, обычны и не вызывали ничего, кроме легкого раздражения, когда отрывали от дела действительно интересного.

— Ладно, высший свет тебе мало интересен...

Лотта кивнула.

— И замуж ты идти не хочешь.

Она вновь кивнула. Не хватало к нынешним обязанностям, которые порой требовали весьма пристального внимания, добавлять новые. Хотя брачные предложения секретарям поступали регулярно.

— Но почему ты просто не нашла себе любовника?

— Где? — обреченно поинтересовалась Лотта.

Она ведь не глупая.

И живая. И порой появлялись в душе... и в теле тоже томления престранного свойства, от которых не спасали ни прописанный бабушкой холодный душ, ни молитва, ни даже

ночные пробежки вокруг поместья. К последним слуги давно уже привыкли.

— Не знаю. Прими любое приглашение. Приходят ведь пачками. Выгуляйся вечерок. Заодно присмотришься к кандидатурам.

— Я уже присматривалась, — Лотта поморщилась, вспомнив свой последний неудачный выход в свет.

И Элиза поняла:

— Да... неудачно вышло.

Бабушка не была совсем уж затворницей и балы посещала. Некоторые. И Лотту с собой иногда брала. Правда, ни беседовать с кем-то, ни тем паче танцевать с кем бы то ни было Лотте не позволялось. А в тот единственный раз, когда Лотта решилась принять приглашение в роли новой главы рода...

Возможно, строгое платье в пол было неудачной идеей.

И волосы не стоило зачесывать гладко, как и проводить радикальное отбеливание кожи. И вовсе следовало вести себя посмелее, а не скрываться в углу... но это еще не повод, чтобы обзывать ее Эрхардским Драконом.

Не дракон она. И не страшилище. И тот разговор... неприятно было слушать, как ее обсуждают, и весьма ядовито, но не скрывая при том интереса. К деньгам. Ведь что может быть проще, как отобрать состояние у глупышки, которая не знает, что платья в пол давно уже вышли из моды.

Какое отношение мода имеет к финансам, Лотта так и не поняла.

— Да и не хочу я... сама понимаешь, стоит слухам пойти, потом не отмоешься, — Лотта аккуратно выровняла рукопись. — В конце концов, обойдусь и без этого. Если понадобится, куплю себе типографию и буду издаваться.

— Но это будет не то, — сказала Элиза, озвучив собственные мысли Лотты. — Нет, ты права, с нашими бездельниками связываться не стоит. Кроме того, не думаю, что тебе и вправду нужен какой-нибудь золотой мальчик...

Она призадумалась.

И Лотта сидела тихо-тихо, не желая мешать кухне. Одновременно надеясь, и что той удастся решить проблему, и что решение это никоим образом не затронет привычный образ жизни Лотты.

— Есть! — Элиза вскочила, и коротенькая юбка ее задралась, обнажив кружевной край чулка. — Я поняла. Ты не можешь выйти как Шарлотта Доминика Луиза Аннабель Октавия Эрхард, но ты вполне можешь поехать как Лотта Харди!

— К-куда поехать?

— В круиз, — Элиза закружилась по комнате. — Давно следовало тебя отправить, а я все собой занималась. Прости меня, Лотти...

— За что?

— Да и всех нас... — она остановилась перед огромной вазой, доставшейся Лотте вместе с прочим имуществом. Ваза насчитывала по меньшей мере два с половиной тысячелетия жизни и стоила порядка двух миллионов имперских талеров, а застрахована была на сумму вдвое больше, хотя страховая и пыталась пересмотреть договор после смерти бабушки. Все почему-то вдруг решили, что Лотта слишком молода и ничего не понимает в управлении финансами.

Как будто не она с пятнадцати лет этими самыми финансами занималась.

— Нам было удобно. Состояние растет, проценты выплачиваются вовремя, — Элиза заглянула внутрь вазы, где наверняка было пыльно, поскольку дом требовал куда большего количества прислуги, но в последние годы посторонние люди бабушку раздражали, а сама Лотта так и не нашла в себе сил что-то да поменять. — Ты не читаешь нотаций, не требуешь хранить честь рода, не грозишься заблокировать кредитные карты. Тебе не нужно наносить ежемесячные визиты и тратить пару дней, чтобы соблюсти какие-то там замшелые правила. Ты устраивала всех. И устраиваешь. Скажу больше, если бы вдруг нашелся кто-то, за кого бы ты захотела выйти замуж, и матушка, и ее сестры, и братья, и все, кто имеет отношение к клану, нашли бы способ расстроить свадьбу. Но это категорически неправильно. Если ты сойдешь с ума от одиночества, никому не станет легче.

Лотта пожала плечами.

К одиночеству она привыкла. Если подумать, она всю свою сознательную жизнь была одна, разве что в тот короткий период времени, когда бабушка считала Лотту ребенком, ей полагалась няня. Затем няня сменилась гувернанткой, а после десяти лет и та исчезла, ибо истинная Эрхард не должна привыкать к роскоши. Лотта научилась справляться сама. И даже получала удовольствие от того, что никто-то больше не следит за правильностью осанки и не требует заучить наизусть тридцать две формы вежливого отказа...

— «Принцесса Аула», — Элиза крутанулась на каблуках. — Вот то, что тебе нужно. Роскошный лайнер. Путешествие, продолжительностью в месяц... месяца достаточно, чтобы ты кого-нибудь да нашла.

— На лайнере?

— Именно, — она вернулась и плюхнулась рядом. — Смотри, во-первых, тебя там точно не узнают... нет, если ты выйдешь без пудры и перестанешь мучить волосы, тебя и здесь не узнают. Но там — определенно. Твои портреты, те, что есть в «Родоводе», мягко говоря, далеки от реальности. Поэтому слухов можно не опасаться. Документы... ты ведь по матушке и есть Шарлотта Харди, верно?

Документы имелись. Их Лотта сделала, когда решила-таки предложить издателю первую свою рукопись, крепко подзревая, что бабушка не одобрит, появившись честное имя Эрхардов на обложке любовного романа, пусть этот роман и вышел весьма неплохим.

— Отлично. А родовые грамоты брать вовсе не обязательно. Клеймо пластырем заклеишь, если что. Да и вообще... Что еще? Гардероб подходящий я тебе подберу... а там смена обстановки, звезды, пляжи и прочая романтика. Только панталоны свои дома оставь.

Вот ведь.

И чем ей панталоны не угодили? Удобно же, особенно осенью, когда климат портится и даже защитные экраны не спасают от сквозняков. Но Лотта лишь кивнула. Почему бы и нет?

Конечно, Шарлотта Доминика Луиза Аннабель Октавия Эрхард должна помнить о приличиях и чести великого рода, а вот Лотта Харди может позволить себе небольшое приключение.

Исключительно в познавательных целях.

Глава 2

Одиннадцатый милостью всех Богов Диктатор Ах-Айора, Солнце Нации, Железный Всепобеждающий Полководец, Маршал Могучей Республики, Залог Освобождения Человечества, Блистательнейший Владыка, Прозревающий Пути Грядущего, и прочая, и прочая, изволил предаваться хандре. Он возлежал на подушках, полуприкрыв глаза и сцепив вялые пальцы на обнаженном животе. Над головой диктатора заливались солнышки. Декоративные пальмы раскидывали листья, укрывая от солнца. Где-то рядом журчал ручей, нить которого протянулась по поющим камням Эйго. А в огромной чаше декоративного пруда плавали рыбы.

Молча.

И за это диктатор был им премного благодарен, ибо возлюбленные одару, которым ныне было дозволено находиться

подле, щебетали, напрочь заглушая и соловьев, и поющие камни, и друг друга.

— Да кому это интересно! — воскликнула благоухающая драгоценными маслами Заххара. И потянувшись, прижалась к боку пышной грудью.

— Всем интересно, — слегка растягивая гласные, пропела смуглокожая Эрра. — Данечка, ты же слушаешь?

— Конечно, — солгал диктатор, не дав себе труда пошевелиться.

— Да вы его уморите своей болтовней, — одару Некко отличал воистину чудовищный рост, могучее телосложение и тихий, незлобивый нрав, который Данияр Седьмой ценил едва ли не больше, чем все прочие, тоже весьма впечатляющие достоинства. — Не видите, он отдохнуть прилег. А какой отдых, когда вы не замолкаете.

— И вправду, какой отдых... — пальчики Эрры скользнули по его груди.

А с другой стороны навстречу им потянулись теплые руки Заххары, и Данияр Седьмой вздохнул. Мысленно. Желания совершать очередной подвиг на шелковых простынях не было никакого.

Но попробуй не соверши.

Мигом слухи поползут по гарему. И главное, обидятся же. Потом поди-ка докажи, что настроения не было, что хандра и вообще жизнь кажется напрочь смысла лишенной, а не новая наложница тому виной. И плевать, что новых наложниц в гарем уже с полгода не брали. Со старыми бы разобраться...

И с бюджетом.

Залия потребовала опаловый гарнитур, а стало быть, придется и остальным что-то выделить. У Мухры опять кожа темнеет, и нужны белые глины с Иххар. А кроткая Мико, потупив глаза и заикаясь от страха, умоляет выделить ее отцу угодыя по левую сторону Ниррхи. Дядюшке Ойеры, которую он принял, слабости поддавшись, нужна лицензия на поставку зеленых вин...

А ведь есть еще и другие.

— Что такое? — поинтересовалась Заххара, и в медовом голосе ее проскользнули нотки недовольства.

— Ничего, дорогая, — Данияр Седьмой приник к губам, от которых пахло розой и сандалом, и постарался проявить должную страсть.

Сад наполнился звуками, на которые поющие камни отзывались возмущенным дребезжанием. И на некоторое время хандра отступила.

Правда, на недолгое.

Чуть позже, уже не в саду, но на Совете, возлежа на подушках и разглядывая премудрых старцев, которые давно уже не были премудрыми, да и до старцев, говоря по правде, слегка не дотягивали, Данияр Седьмой слушал, как герольд зачитывает полное его титулование, и думал, до чего же все это надоело.

Гарем.

Совет.

Жизнь эта вялая. Вот отец его подавил два восстания и завоевал племена халдаев. Правда, непонятно зачем, ибо были они дики и бестолковы, а земли, ими заселенные, представляли собой голые камни. Там даже лишайник рос нехотя. Теперь приходилось ежемесячно отчислять полмиллиона кредитов на поддержку голодающих, помощь сиротам и сохранение культурного наследия.

Дед... тот южных ахейцев с большего вырезал, а оставшиеся переселились в центральные области, чтобы спустя годы заявлять о бесчинствах прошлого и требовать компенсаций. И попробуй откажи, мигом полетит по сети вой угнетенных. И ладно бы летел, пусть себе бы выли, но следом взвоют дипломаты.

Комиссии сунутся, выясняя, кто кого и когда угнетал...

Может, и вправду казнить? Хоть кого-нибудь — в поддержание славы предков. Мысль показалась вдруг живой и вполне здоровой. Но Данияр вынужден был отказаться: не поймут. Современный мир требовал иной, политически открытой диктатуры, дружелюбной и понятной обывателю.

Так ему сказали.

Он поманил главу службы безопасности и поинтересовался:
— Что у нас там?..

— Где? — Миршар был человеком крепким, внушительным. Всем видом своим он демонстрировал, что власть прочна, а покой и здоровье великого диктатора находятся в надежных руках.

Это тоже утомляло.

— Везде, — со вздохом Данияр приподнялся с подушек. Подумалось, что давненько он не заглядывал на тренировочную площадку. И мышцы ослабли. И даже, стыдно сказать, наметилось мягкое брюшко.

— Мир и покой! — радостно отрапортовал Миршар. И поддержания образа ради ударил латным кулаком по груди. Грудь была благоразумно прикрыта доспехом, а потому звук вышел громким, заставив диктатора поморщиться.

— Везде мир и покой?

— Так точно!

— А заговоры? — Данияр брюшко погладил, было оно пока небольшим, весьма уютным с виду. И наложницам нравилось.

— Никак нет!

— Совсем нет?

Золоченые рога шлема Миршара переливались на солнце. Грозно топорщились шипы на наплечниках. И чеканный пустынный змей на кирасе застыл с разъявленной пастью, то ли грозясь кому, то ли просто зевая.

— Надо? — осторожно поинтересовался Миршар. — Организуем...

Правда, сказано это было без особой уверенности. И Данияр махнул рукой. Организовать — это не то, совсем не то... да еще и попробуй найди нормального организатора, чтобы не совсем идиот, но без инициативы. Все больше как-то наоборот попадают, без мозгов, зато с инициативой.

Он указал на белую кошму и велел:

— Садись. Тоскливо мне, друг мой.

Миршар испустил тяжкий вздох. На кошму он присаживался осторожно, ибо традиционный доспех столь же традиционно и весил изрядно.

— Шлем хотьними, — попросил диктатор.

— Сам знаешь, не положено... — Миршар принял фарфоровую чашку, которую поднес к лицу. Вытянув губы трубочкой, подул.

Попытался зачерпнуть горсть засахаренных орешков, но пиала треснула.

— Извини.

— Да ничего... Тоска.

— Понимаю.

— И бунтовать никого не тянет?

— Степняки и те попритихли. Растят верблюдов и медуз, продают, да и туристы опять же... Знают, что если бунт, турист не пойдет, — Миршар осторожно сделал глоток.

— А в городах?

— То же самое... вон в Исхалле новую гостиницу открыли. Набияр зовет на источники, двести миллионов в год принять готов, и очередь уже расписана...

— Может, хоть храмы...

— Молчат, — виновато развел руками Миршар. — После того, как ваш батюшка изволил вырезать весь клан Кровавой Луны, объявив себя потомком и единственным жрецом Богини...

Он замолчал, позволяя додумать остальное.

Стало тихо.

Благолепно.

Тошно.

И в последней надежде на чудо Данияр шепотом спросил:

— А братья мои?

— Даршар изволит путешествовать. Отправился на окраинные миры нести свет цивилизации. Фархар медициной занялся. Весьма вам благодарен, что приняли трон. Хороший врач, говорят, один из лучших в нашем рукаве.

Вот так... а ведь и у Данияра задатки имелись.

— Учхарр торговые дела ведет, но вы сами знаете.

Данияр знал.

Братец почти не вылезал из центральных миров, умудрившись и жениться по тамошнему нелепому обычаю, закрыв себе путь и к трону, и к нормальной жизни. Впрочем, торговое сальдо год от года становилось все более и более положительным, а брат — довольным. И, глядя на ухмыляющуюся его рожу, Данияр ощущал себя обманутым.

Он не виноват, что родился старшим.

И что матушка его, ревниво оберегая статус первой одару, не допускала и мысли, что сын не примет отцовский меч... Принял.

Порадовал.

А теперь-то что?

— И народ тоже? — Данияр откинулся на подушки.

Сегодня же он отправится на тренировочную площадку. Вечером. Или, на крайний случай, завтра утром... может, к обеде лучше? Или все-таки вечером? Вечером всяко прохладней. Или поединки устроить? Велеть, чтоб поставили лавки, наложицам понравится, они давно зрелищ требуют, пусть посмотрят, как Данияр всех побеждает.

И сразу стало тоскливо.

А ведь и вправду победит, ибо иначе невозможно. И отец его оттого перестал брать меч в руки, что не с кем его скрестить было. И сам Данияр...

— Народ счастливо ропщет под вашей стопой, — заявил Миршар, у которого вышло-таки справиться с чаем.

— Сам-то понял, что сказал?

— Правду. У нас ведь диктатура, — Миршар попытался прилечь, опираясь на локоть, но шипы пробили кошму, а следом и толстые перины. — Для поддержания имиджа народ обязан роптать. А уж как он там ропщет — это уже детали.

— Вот и что мне делать? — Данияр давно не чувствовал себя таким несчастным. — Может... соседей завоевать?

— Каких?